

**РЕЦЕНЗИЯ НА РАБОТУ А. ЩЕЛОКОВА «ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ-КАТАЛОГ».
6,5 + 4,5 Л. МАШИНОПИСЬ**

Проблемы истории бумажноденежных эмиссий Советского государства достаточно обстоятельно рассмотрены в специальной научно-исследовательской литературе; в плане же научно-популярном сложилось крайне неудовлетворительное положение: превосходное, но тем не менее сильно устаревшее руководство для бонистов, вышедшее под редакцией Ф. Г. Чучина [1], и большинство фрагментарных публикаций, разбросанных по самого различного рода изданиям, практически недоступны или же, более того, даже неизвестны массовому читателю. Именно поэтому попытка автора рассматриваемой работы заполнить эту досадную лакуну в нашей историографии вполне правомерна.

Внимательно ознакомившись с трудом А. Щелокова, вынужден, к сожалению, констатировать непомерно большое число погрешностей и шероховатостей. Полагаю, нет необходимости перечислять все, и тем более систематизировать их, поэтому буду излагать лишь основные замечания «по ходу» авторского текста.

Стр. 13. «Уже через четыре дня после начала войны (1-й мировой – В.Р.) был прекращён обмен кредитных билетов на золото».

Это решение было принято 27 июля 1914 г., т.е. за 4 дня до вступления России в войну (1 августа).

Стр. 16. «... землевладельцы, *субсидировавшие* (выделение мое – В.Р.) дворянский банк, в виде процентов со ссуд получили за 1886–1910 годы 1 миллиард 260 миллионов рублей».

В Советской исторической энциклопедии, на которую (т. 15, стб. 137) дается ссылка, сказано следующее: «Продолжалось кредитование (государством – В.Р.) помещиков и буржуазии. Так, помещики получили от государства за 1886–1910 в счёт ссуд Дворянскому банку 1 260 млн. р.»

Автор, во-первых, совершенно необоснованно синхронизирует два принципиально различных понятия – «помещики» (крупные землевладельцы) и «землевладельцы» вообще; во-вторых, не помещики субсидировали Дворянский банк (существование банка, «живущего» лишь за счёт субсидий, попросту невозможно), а, напротив, последний, пользуясь дотациями государственной казны, субсидировал крупных землевладельцев» (используя при этом, естественно, и не востребованные вклады).

Стр. 30. «С 11 января 1919 года была введена продовольственная развёрстка», – утверждает автор, но тут же противоречит себе: «В 1918 – 1919 гг. развёрстка дала...».

Ссылка дается на Советскую историческую энциклопедию (т. 11, стб. 598), где совершенно чётко указано, что развёрсточная система заготовок сельскохозяйственной продукции начала осуществляться со второй половины 1918 г. (Тульская, Вятская, Калужская, Витебская и др. губернии). Что же касается даты 11.1.1913 г., то в этот день декретом СНК она распространилась на ряд «производящих губерний» РСФСР.

Стр. 31. «... по карточкам первой категории выдавалось в день (во 2-й половине 1918 г. – В.Р.) не больше 1/3 фунта хлеба, по карточкам 2-й категории – около 1/16фунта».

Последняя цифра представляется крайне сомнительной!

Стр. 31. «... к 1921 г. (правильнее – в 1921 г. – В.Р.) в обращение были пущены «Обязательства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» достоинством в 10 миллионов рублей.

В обращение были введены номиналы не только в 10 млн. руб., но и в 1, и 5 млн. руб. Попутно отмечу, что автор ссылается на книгу Г. В. Елизаветина «Деньги», выпущенную издательством «Детская литература»; она пестрит грубыми ошибками и поэтому не заслуживает того, чтобы использоваться как источник сведений для работы по истории денежного обращения.

Стр. 36. «... уполномоченный Якутского товарищества розничной торговли А. Семенов выпустил денежные квитанции на винных этикетках. Решение, как видим, находилось *буквально на грани хулиганства* (выделение мое – В.Р.)».

Алексей Алексеевич Семенов с 1904 г. до кончины своей (1938) жил и работал в Якутии. До революции основал первую газету на якутском языке (1907), местные музей и библиотеку, организовывал отправку грузов через Берингов пролив и т. д. В послереволюционное время его кипучая энергия находит еще более широкое применение: он спасает от вымирания (в буквальном смысле этого слова) якутское племя аламутов, открывает месторождения золота, свинца и других полезных ископаемых, организует материальную помощь столичным учёным в тяжелом 1921 г., по его инициативе и проекту на пустом месте основывается город Томмот, горная метеорологическая станция, строятся новые дороги.

В 1912 г. А. А. Семенов познакомился на о. Капри с А. М. Горьким. Великий пролетарский писатель с глубоким уважением относился к своему другу. В посвященной А. А. Семенову статье «О единице» он характеризует его следующим образом: «Он – один из самых бескорыстных людей, встреченных мною за всю мою жизнь. К деньгам и вещам у него органическое презрение, он любит только книги, а больше их – работу... У меня к людям, подобным Семенову, с юности горит, не угасая, чувство глубокого уважения и – не скрою – зависти. Хорошо они умеют жить. Это – потому, что радостно и неутомимо умеют работать».

В письме А. М. Горькому (5.X.1925) А. А. Семенов вспоминает: «В 1922 году основалась Якутская республика (Якутская АССР в составе РСФСР – В.Р.). Я очутился в новой должности – Наркома Финансов в самый трудный момент перехода от натурального товарообмена к денежному обращению. Наклепав в одно из воскресений денег на 30 млн. руб., мы сносно вышли из положения». О своей работе в должности Наркома А. А. Семенов пишет в более раннем (20.VI.1923) письме А. М. Горькому: «Вот уж скоро год, как занимаю высокий пост Наркома финансов..., «читаю циркуляры, измышляю, как достать денег на неотложные нужды, расклеиваю самолично плакаты о займе, уговариваю недовольных. Лето отдам на создание бюджета Якутской республики... На должности Наркома я тоже проявлял самостоятельность ... печатали деньги на 30 миллионов. Москва за это мне шею намылила, но в результате польза для Якутии была огромная».

А. М. Горький («О единице») следующим образом рассказывает о «деньготворчестве» А. А. Семенова: «Из всех бумажных денег, которые выпускались в оборот на безграничном пространстве Союза Советов, самые оригинальные выпустил Алексей (Семенов – В.Р.): он взял разноцветные этикетки для бутылок вина, своей рукой написал на «Мадере» – 1 рубль, на «Кагоре» – 3 рубля, «Портвейне» – 10 рублей, «Хересе» – 25 рублей, приложил печать Наркомфина, и якуты, тунгусы очень хорошо принимали эти деньги, как заработную плату или как цену продуктов. Когда Советская власть *погасила* (выделение мое – В.Р.) эти своеобразные квитанции, Семенов прислал мне их образцы [2].

Профессор З. В. Атлас, общепризнанный авторитет в области истории финансов СССР, в своей фундаментальной монографии отмечает: «В Якутской ССР местный Нарком финансов (А. А. Семенов – В.Р.) в качестве бумажных бон выпустил в обращение ... винные этикетки, *успешно функционировавшие* (выделение мое – В.Р.) некоторое время в хозяйственном обороте» [3, с. 208].

Уже то, что эти этикетки-обязательства были выкуплены государством у населения – несомненное доказательство того, что действия А. А. Семенова (несмотря на то, что «Москва /ему/... шею намылила») в конечном итоге, действительно, принесли «огромную пользу» Якутии, и поэтому были признаны оправданными.

Я не случайно уделил столько места вопросу о «винных деньгах» А. А. Семенова. Авторская квалификация этого интереснейшего эпизода из истории становления советского денежного хозяйства вызывает чувство недоумения и обиды на оскорбительно-пренебрежительное отношение к памяти замечательного человека. А. А. Семенов в невероятно сложных условиях (в архиотдаленной, по тем временам, окраине Советской страны) сумел найти правильное при всей его необычности решение в, казалось бы, безвыходной ситуации [4].

В заключение считаю уместным привести высказывание многолетнего Министра финансов СССР А. Г. Зверева. Вспоминая 20-е годы, он замечает, что на прошлое «... нужно смотреть не только глазами сегодняшнего дня, но и переноситься в былое. Такое «двойное зрение» ... просто необходимо, если кто-нибудь хочет вжиться в эпоху и постичь внутреннюю логику её событий. Ныне советские люди думают иначе, чем в 1922 году. Не та жизнь, не та эпоха» [5, с. 43].

Стр. 36. «Никакого «общегосударственного» эмиссионного права *не существует* (выделение мое – В.Р.). Единственным учреждением в нашей стране, которое осуществляет выпуск и изъятие денег из обращения, является Государственный банк».

Совершенно верна вторая фраза этого высказывания, чего нельзя сказать о первой: без существования общегосударственной эмиссионной регалии вообще невозможны сколько-нибудь упорядоченные эмиссии и организация денежного обращения. Следовало бы лишь отметить абсолютно-монопольное право на неё Государственного банка и отсутствие такового у кого бы то ни было ещё.

Стр. 36. «... в народе за годы гражданской войны произошло изменение того взгляда на деньги, который долгое время воспитывался миром капитала. Миллион рублей, обладание которым теперь вовсе не означало большого количества (?! – В.Р.), в просторечии без почтения именовался лимоном».

Кстати, ассигнации в тысячу рублей именовались «кусками», миллиардные суммы – «лимонардами» или «лимардами» [6].

Речь может идти отнюдь не об «изменении ... взгляда на деньги», т. е. об отказе (в невероятно короткий – всего несколько лет! – срок) от векового отношения к деньгам, а о вполне естественном отклике лексики народных масс на достаточно непривычные для неё слова-понятия, которые ранее широко практически не бытовали в ней.

Стр. 41. «Первыми в обращение (в 1922 г. – В.Р.) попали билеты в 5 и 10 червонцев, позже (когда? – В.Р.) – 1 и 3 и, наконец, уже в начале 1923 г. – 25 червонцев».

Ссылка дается на сб. материалов «Наше денежное обращение» (с. 135). В помещенной на этой странице Таблице № 87 («Количество билетов Государственного банка, переданных в кассу «Правления банка...») в графе «декабрь (1922)» фигурируют все, кроме 25 червонцев, номиналы (1, 2, 5, 10 червонцев) [7].

Стр. 42. «В 1701 г. Петр I начал выпуск монеты с содержанием 4,3 г золота».

Золотое содержание этой монеты (червонца) не 4,3, а 3,4 г (стандарт западноевропейского золотого дуката).

Стр. 44. «Чеканка золотых червонцев (1923 г. – В.Р.) и выпуск их в обращение параллельно с бумажными (червонцами – В. Р.)...».

Золотые червонцы с гербом РСФСР, отчеканенные в 1923 г., с самого начала были предназначены для внешних платежей, а не для внутреннего обращения, и поэтому никак не могли обращаться «параллельно» со своими бумажными «тёзками».

Стр. 46. «Возникали моменты, когда начинал «покачиваться» и бумажный червонец, но его паритет быстро стабилизировался *выпуском в обращение значительной массы золотой монеты* (выделение мое – В.Р.)».

Как уже отмечалось, червонцы РСФСР (1923) были использованы для международных платежей. Попутно заметим, что тираж их выпуска был далеко не «массовый»; что же касается червонца СССР (1925), то дальше его пробной чеканки дело не пошло. О какой же «массовой» эмиссии золотой монеты может идти речь?

Стр. 66. Начав с рассказа о нападении фашистской Германии на Советский Союз, автор внезапно обращается к характеристике развала финансов царской России в 1-ю мировую войну и сопоставлению их состояния с финансами стран Антанты; затем столь же неожиданно возвращается к начальному этапу Великой Отечественной войны. В результате нарушается логическая последовательность изложения. Место рассказу о финансовом крахе царизма – в начале работы (раздел «Крах финансовой системы старой России» – с. 13 и след.).

Стр. 69. «В ходе реформы (1947 г. – В.Р.) произведен обмен *всех* (выделение мое – В.Р.) имевшихся в обращении денег по соотношению 10 рублей в деньгах старого образца на рубль в деньгах образца 1947 г.

По этому же курсу был произведён перерасчёт ... денежных вкладов в сберегательных кассах и т. д.»

Обмену подлежали лишь бумажные деньги; металлические же (монеты) не только остались в обращении, но и продолжали, как и прежде, выпускаться по типу, введенному ещё в 1935 г.

Вклады в сберегательных кассах на сумму до 3 000 рублей перерасчету не подлежали; вклады свыше 3 000 рублей (но не более 10 000 рублей) переоценивались по соотношению 3:2 (3 рубля старого образца на 2 рубля новых), свыше 10 000 рублей – по соотношению 2:1 (два рубля старого образца на 1 рубль новый).

Облигации массовых государственных займов обменивались на облигации нового 2-х процентного займа 1948 г. по соотношению 3:1 облигации свободного займа 1938 г. – по соотношению 5:1; облигации займа 1947 г. переоценке не подлежали.

Не переоценивались денежные фонды государственных организаций и предприятий. Что же касается денежных сумм расчётных и текущих счетов колхозов, кооперативных предприятий и организаций, то они переоценивались как 5:4 (5 старых рублей на 4 рубля новых).

Таким образом, льготные условия переоценки вкладов граждан в государственных сберегательных кассах и облигаций государственных займов, фондов государственных и кооперативных учреждений были направлены на защиту частных трудовых и государственных сбережений, в то время как спекулятивные накопления, сокрытые в «кубышках» и «чулках», в значительной мере обесценивались.

Стр. 69. «Денежные знаки и старая монета подлежали замене на новые знаки и монету (с 1 января 1961 г. – В. Р.)...».

В обращении были оставлены (и участвуют в ней ныне) монетные номиналы в 1, 2 и 3 копейки старых образцов.

Стр. 70. «Московский Кремль на советских денежных знаках и (подчеркнуто мною – В.Р.) металлических монетах».

Приводятся фото пяти бумажных денежных знаков и двух мемориальных монет – 10 и 1 рублевых достоинств, посвященных XXIX Олимпийским играм в Москве.

В приведенном выше заглавии таблицы монеты выступают как нечто отличное от денежных знаков. Между тем, к последним, как представителям действительных денег, относятся все находящиеся ныне во внутреннем обращении СССР номиналы от 1 копейки до 1 рубля (в числе их и 6 разновидностей «олимпийских» рублевиков, выбитых в медноникелевом сплаве). Что же касается десятирублевой монеты, то она – не денежный знак: серии посвященных Олимпиаде монет номиналами от 5 до 150 рублей (серебро, золото, платина) являются деньгами».

Стр. 71. «... белые и (подчёркнуто мною – В.Р.) контрреволюционные правительства».

Из буквального смысла этого выражения следует, что белогвардейские правительства и правительства контрреволюционные – явления разного порядка. Полагаю, нет необходимости доказывать, что белогвардейцы – органическая часть лагеря контрреволюции, более того – её «ударная сила».

Следовало бы – «белые и другие контрреволюционные правительства» или же просто – «контрреволюционные правительства».

Стр. 72–74. Рассматривается вопрос о выпуске в 1919 г. серии кредитных билетов с датой «1918», несущих на себе изображение лишенногоимператорских регалий двуглавого российского орла.

Этому событию предшествовал декрет СНК РСФСР от 15 мая 1919 г., отрывок которого цитируется в работе. «...В целях постепенной замены имеющихся в обращении кредитных билетов ныне существующего образца, как совершенно не соответствующего по своей форме началам нового государственного строя России, а также извлечения из оборота разного рода денежных суррогатов ... Совет Народных Комиссаров постановляет выпустить в обращение кредитные билеты нового образца 1918 года.

По мнению автора, эмиссия рассматриваемой серии билетов явилась грубым нарушением сути и духа майского постановления Советского Правительства. Инициатором и исполнителем её он считает тогдашнего Управляющего Народным Банком РСФСР Г. Пятакова, который «без государственной ответственности..., проявив поразительную беспринципность, санкционировал выпуск денег с атрибутами Временного правительства». И в другом месте эта эмиссия именуется автором «злополучной серией кредитных билетов».

Отнюдь не пытаясь «реабилитировать» Г. Пятакова, деятельность которого на государственных постах получила предельно чёткую, недвусмысленную оценку В. И. Ленина, должен тем не менее высказать противоположную точку зрения; бесспорным «виновником» этого денежного выпуска 1919 г. был Совет Народных Комиссаров РСФСР.

Обратимся к анализу приведённого выше декрета. Речь в нём – о необходимости изгнания с рынков денег старых выпусков, а также различного рода денежных суррогатов. Эта задача должна быть разрешена эмитированием кредитных билетов «нового образца 1918 года».

Почему же этот новый вид денежных знаков датирован уже прошедшим, 1918 годом? Ведь сама собой напрашивается дата «1919»!

Дело объясняется просто: орудием запланированной эмиссии были заранее избраны клише, заготовленные «впрок» Временным правительством, не ведавшим, естественно, что «время» его кончится в том же году, что и началось ...

Именно это обстоятельство и позволяло в фантастически сжатые сроки (в мае этого же года – т. е. менее чем за две недели!) претворить декрет СНК в жизнь – не только отпечатать, но и бросить в обращение действительно новые, неведомые рынкам денежные знаки десяти (!) номиналов (1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500, 1 000 рублей) на сумму в 6 726,9 миллиона рублей! [7, с. 98. Таблицы № 58, 54].

«Вся серия 1918 г. [8] – порождение беспринципности и государственной безответственности», – вновь заявляет автор. Обосновывая свое мнение, он указывает на то, что герб РСФСР, утвержденный в 1918 г., отсутствует на названных выше денежных знаках.

Герб Советской республики был утверждён менее чем за год до осуществления рассматриваемой эмиссии [9]. Следует напомнить то, что выработка проектов рисунков новых денежных знаков и изготовление их клише – чрезвычайно сложная, трудоёмкая и деятельная операция. Советская власть приступила к ней в первые же месяцы своего существования. Уже 8 апреля 1918 г. специальное жюри рассмотрело представленные рядом крупнейших художников конкурсные эскизы купюр, но признало их неудовлетворительными [10, с. 212–213].

В марте 1919 г. во исполнение декрета СНК от 4 февраля всё же начат выпуск «Расчетных знаков» с гербом РСФСР достоинством в 1, 2 и 3 рубля. Выполненные на низком полиграфическом уровне, уступая по размерам (34 x 43 мм) даже печально известным керенкам, они напоминали скорее почтовые марки, чем денежные купюры и, естественно, не могли сыграть существенной роли в денежном обращении.

А между тем огромные суммы требовались стране безотлагательно: резко обострившаяся гражданская война и иностранная военная интервенция выдвинули на первый план активную оборону, которую практически нечем было субсидировать. Советское Правительство вынуждено было принять решение о срочной эмиссии денежных знаков по имевшимся клише 1918 г.

На них, уже отмечалось, помещено изображение декоративного двуглавого орла, долженствующего олицетворять собой «демократическую», антимонархистскую Россию. К 1919 г., когда были сделаны лишь первые шаги по пути к выработке стабильной советской государственной эмблематики, этот герб не выражал, в принципе, ничего откровенно враждебного советскому строю, и потому в сложившейся ситуации оказался приемлемым в денежном производстве.

З. В. Атлас совершенно справедливо определяет билеты образца 1918 г. как «переходный вид денежных знаков..., которые не имели реквизитов дореволюционных знаков (имеются в виду эмиссии царского правительства – В.Р.), но ещё не обладали и специфической формой советских денежных знаков» [3, с. 120].

Лишь в декабре 1919 г. оказалось возможным выпустить «Расчётные знаки» с гербом РСФСР достоинством в 15, 30 и 60 рублей, а в марте–августе 1920 г. – в 100, 250, 500, 1 000, 5 000 и 10 000 рублей. К концу 1919 г. эти (от 1 до 60 рублей) знаки составили лишь 2 % эмиссионных тиражей, в то время как кредитные билеты образца 1918 г. – 74,8 % [3, с. 120]. Следовательно, выпуск последних полностью оправдал себя, и поэтому был продолжен.

Какие же денежные знаки, подлежащие изъятию на обращения, имел в виду майский декрет СНК? Это, прежде всего, купюры монархической России [11] и выпуски разномастных контрреволюционных «правительств».

Таким образом, если согласиться с авторской трактовкой обстоятельств осуществления эмиссии билетов образца 1918 г., то остается признать очевидно – невероятное: то, что Совет Народных Комиссаров РСФСР разработал и утвердил декрет 15 мая с государственной безответственностью, не определив конкретных форм его претворения в жизнь; то, что предоставил бесконтрольное право осу-

ществления своего решения инициативе одного человека [12]; то, что позже (декретом от 21 октября 1919 г. усугубил свое упущение, постановив, в дополнение к майскому решению, начать выпуск двух последних номиналов серии образца 1918 г. – 5 000 и 10 000 рублей [13] наконец то, что совершив эти ошибки, так и не понял их в последующие годы, когда тиражирование денежных знаков образца 1916 г. продолжалось в широких масштабах, а изъятие их из обращения (путём обмена на дензнаки образца 1922 г.) было проведено лишь в октябре 1922 г. [14].

- «В результате (санкционирования Г. Пятаковым эмиссии кредитных билетов образца 1918 г. – В.Р.) на знаках, снабженных подписями должностных лиц Народного банка РСФСР, мы видим двуглавый герб (?! – В.Р.) Временного правительства (*правда, без императорских корон [15] и губернских гербов на груди и даже знака свастики*)» (выделение мое – В.Р.).

В одной этой фразе содержится четыре существенных ошибки:

а) на груди двуглавого орла царской России помещалось только одно гербовое изображение – св. Георгий Победоносец на коне, поражающий копьём змия;

б) на крыльях орла размещались (по четыре на каждом) гербы семи царств» (Казанского, Польского и др.) и одного «княжества» (Финляндского);

в) гербы губерний никогда не являлись атрибутами общероссийского государственного герба;

г) на кредитных билетах образца 1918 г., пущенных в обращение в 1919 г. (номиналы от 1 до 1 000 рублей) знака свастики нет. Он появляется на двух высших купюрах этой серии (5 000 и 10 000 рублей), поступивших в обращение лишь в январе 1920 г. [16].

Свастика на денежных знаках была всё же хорошо известна в это время. Она находилась на «думских» кредитных билетах образца 1917 г. достоинством в 250 рублей [17] (именно с ними, очевидно, автор смешивает билеты образца 1918 г.).

Автор справедливо указывает, что изображение этой свастики нельзя ассоциировать со свастикой фашистской Германии. Однако читатель остается в неведении о добром изначальном смысле этого древнего символа; о том, что он в демагогических целях был использован Временным правительством; наконец, о том, что, будучи взята на вооружение германским фашизмом, свастика именно им была превращена в один из самых зловещих в истории человечества символов.

- «Слабые стороны денег образца 1918 г. быстро подметили враги революции. Белогвардейская контрразведывательная пропагандистская организация «Осваг» делала на этих знаках надпечатки издевательских стишков и лозунгов».

Автор глубоко заблуждается. Отнюдь не «слабые стороны» знаков 1916 г. вызвали истерию осваговских писак: нелепо и предполагать, что вывело их из равновесия отсутствие на билетах советской символики [18].

Напротив, вспышку бессильно-злобного «творчества» в лагере контрреволюционного отребья породили сильные стороны этого выпуска. Деньги – своеобразные политические плакаты, прокламирующие независимость государства, эмитировавшего их. Именно таковыми (благодаря размещению на факсимиле подписей официальных представителей Народного Банка РСФСР –управляющего и кассира) стали в 1919 г. билеты образца 1918 г. [19].

В целом, эта эмиссия явилась эффективнейшим политико-экономическим ударом по врагам молодого Советского государства.

- «Вполне понятно, что не имеющие свидетельств советской принадлежности знаки с датой «1918» (а подписи управляющего и кассира? – В.Р.) нет оснований ставить в общий ряд с регулярными советскими деньгами (следует: «с регулярно выпускавшимися советскими деньгами» – В.Р.)».

Напротив, серию билетов образца 1918 г. следует рассматривать как первую регулярную эмиссию РСФСР. В подтверждение сошлюсь на предыдущее замечание к этой странице и на сноску [17].

Стр. 77. Фототаблица «Рисунки водяных знаков». Это название раскрыто не-полно: приведены снимки лишь образцов водяных знаков; отсутствует перечень всех денежных выпусков, которым они были присущи. Более правильным названием этой таблицы было бы – «Основные виды водяных знаков».

Автор не заметил, что знаки № 16 и № 18 – варианты одного и того же вида водяного знака (причём № 18, размещённый после № 16, – более ранний), и поэтому именуется их по-разному: «Звезды» (№ 16) и «Звезда в треугольнике» (№ 18).

Неправильно показано расположение знака № 22 («Орлы») по отношению к купюрным надписям и рисункам (на таблице – □, следует – ◇).

Неверно изображение водяного знака № 23 («Большие квадраты»): ветви крестика, помещенного в квадрате, должны упираться во внутренние его стенки (на таблице – [+], следует – [⊕]); неправильно показано и расположение этого знака по отношению к купюрным надписям и рисункам (на таблице – □, следует – ◇).

Не продумана последовательность расположения снимков водяных знаков: в нарушение хронологического принципа (от старшего – к младшему) они бессистемно разбросаны по таблице (1919 г., 1922 г., 1919 г., 1920 г., 1921 г., 1922 г., 1920 г. ...).

Стр. 79. По мнению автора, «куда эстетичнее заполнять отсутствующие (в коллекции – В.Р.) знаки фото – или ксерокопиями» вместо знаков – подлинников в плохом состоянии.

С этим согласиться невозможно: в советской, как и в мировой музейной и коллекционерской практике подлинник исторического памятника (даже крайне плохой сохранности) ни в коей мере не может быть заменен и самой искусной копией, которая является лишь слабым его отражением и никогда не включается в основной фонд собрания.

Стр. 81. Водяные знаки на расчётных знаках номинала в 1 000 рублей – не только «Звезды», но и «Уголки».

На водяных знаках номиналов в 5 000 и 10 000 рублей следует различать «Волны» широкие и узкие.

Стр. 82. На расчётном знаке номиналом в 5 рублей водяные знаки представлены не только «Уголками», но и «Грибами».

Стр. 84. Важно отметить, что среди купюр в 5 000 рублей встречаются экземпляры с опечаткой: «PROLETAPIER» вместо «PROLETARIER» (в немецком тексте-призыве «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»).

Купюры в 50 000 рублей печатались на бумаге не только с водяными знаками «Звезды», но и со знаками «Креста».

Стр. 85. Фото № 40 – 500 рублей.

Крупные цифры «500» обозначения номинала, расположенные у центров левой и правой сторон картуша, переделаны автором на цифры «1 000», им же зачёркнуто слово «пятьсот» в центре купюры (мелкие цифры «500» в углах картуша и по центрам верхней и нижней его сторон оставлены нетронутыми). Непонятна цель этих «исправлений»: купюра в 500 рублей от этого не стала похожей на купюру 1 000-рублевого достоинства, от которой (помимо разницы в обозначении номиналов) отличается рядом существенных деталей.

Стр. 86. Знак в 5.000 рублей, фотография которого приводится под № 41, относится не к 1922, а к 1921 г.

Стр. 94. 1 рубль золотом выпускался не только с обозначением серии, но и без него.

Стр. 102–108. Раздел «Серия 1918 г.» (следует – «Серия образца 1918 г.») содержит перечень кредитных билетов образца 1918 г., выпускавшихся с мая 1919 г. Повторяется утверждение, прозвучавшее в начале работы (стр. 25), что купюра достоинством в 1 рубль, будучи отпечатанной, «в обращение не поступала».

К 1 декабря 1919 г. в обращении находился 81 миллион экземпляров этих купюр, к 1 декабря 1920 г. – 81,1 миллиона, к 1 декабря 1921 г. – 80,4 миллиона, к 1 октября 1922 г. – 56,7 миллиона [7, с. 98–101. Таблицы № 54, 56, 58, 60].

Стр. 104–128. Содержание этих страниц, по существу, противоречит теме работы. Приводится подробнейший перечень разнообразных эмиссий царского и Временного правительств с 1860-х гг. по 1917 г. – кредитных билетов, облигаций, краткосрочных обязательств, купонов государственных ценных бумаг, закладных листов Дворянского и Крестьянского банков, облигаций городского и земского кредита..., подписей управляющих банком и кассиров, буквенных и цифровых обозначений серий, цветов и их оттенков на купюрах. Всё это выполнено гораздо обстоятельнее, чем описание советских денежных эмиссий.

Представляется, что рассказ об обращении в советское время образцов дореволюционных эмиссий следовало ограничить лишь их общей характеристикой.

Стр. 112. Приводится перечень кредитных (250 и 1 000 рублей) и казначейских (20 и 40 рублей) билетов Временного правительства.

В этот перечень включены (в виде подразделов) и выпуски номиналов в 250 и 1 000 рублей, осуществленные финансовыми органами РСФСР.

Таким образом, под общей шапкой «Кредитные билеты временного правительства» оказалась эмиссия буржуазной и Советской России. Последние, думается, следовало бы вынести в начало каталога под грифом «Кредитные билеты образца 1917 г., выпускавшиеся Советской властью».

Стр. 133. При описании денежных выпусков Северо-Кавказской ССР следовало указать, что были не только двусторонние (25, 50 и 100 рублей) бонны, датированные 1918 г., но и недатированные односторонние (50 и 100 рублей).

Последние не упомянуты автором, а между тем представляют особый интерес. Это «табачные деньги», эмитированные Екатеринодарским Отделением Государственного Банка (50 рублей – на 10-ти копеечной, 100 рублей – на 15-ти копеечной вексельной бумаге) в 1918 г., с надписью «Бон обеспечен обязательством Северо-Кавказской Советской Социалистической республики под поступления табачного акциза» [20].

Стр. 139. В перечне денежных знаков Грузинской ССР пропущен номинал в 5 000 рублей, выпущенный 11 декабря 1922 г. на толстой и тонкой бумаге в четырёх вариантах.

Стр. 145–154. Описание денежных выпусков Бухарской Народной Советской республики.

Многочисленные грубые ошибки в прорисовке легенд, выполненных арабским шрифтом (рис. 118, 120, 123, 124, 126 и т.д.); в результате многие слова превращены в невразумительный набор букв, написанных как правильно, так и искаженных до неузнаваемости.

Стр. 145. Приводится фотография (№ 117) круговой трехдольной легенды на первых денежных выпусках республики (1339 год хиджры – осень 1920 г.).

Автор указывает, что эта легенда присутствует на всех номиналах от 50 до 3 000 теньгов. Это не так: она имеется на лицевой стороне лишь 50, 100 и 200 теньгов, но отсутствует на купюрах в **200** [так в оригинале – И.С.], 500, 1 000, 2 000, 3 000 теньгов.

Опущено описание оборотной стороны, легенда которой особенно интересна, так как свидетельствует об использовании в первых эмиссиях Советской Бухары дореволюционных эмирских клише (ср. с выпусками РСФСР билетов образца 1917 г. в 1918 г. и образца 1918 г. в 1919 г.). Трехстрочная оборотная легенда гласит: «Сделаны по великому августейшему повелению /произведший подделку этого карается согласно священному шариату/ печатано в благородной Бухаре».

Стр. 146. Рис. 118: 5 000 теньгов.

Неполный перевод (в скобках привожу его недостающую часть, вне скобок – перевод, расположенный при рисунке): «Печатано в благородной Бухаре. Кто сделает подделку этого, подвергнется наказанию (согласно священному шариату)».

Опущено описание каплеобразного картуша, размещенного над приведенной выше легендой. На первом выпуске этого номинала в этом картуше помещена надпись времени эмира – «Сделаны по великому августейшему поселению» (использовано старое клише), на следующем выпуске – уже эмблема советской Бухары – серп («урак») и молот, обрамленные двумя ветками с коробочками хлопка.

Стр. 147. Рис. 127: 3 000 рублей.

Грубое искажение эмблемы лицевой стороны:

а) неверно передано изображение звезды (в центре неё должен быть незаретушированный кружок), б) неправильная прорисовка растительного орнамента (ветки с цветами) справа и слева, в) в центре изображены скрещенные лопаты (?), в то время как должны быть две скрещенные веточки хлопка.

Стр. 155–158. Эмиссии Туркестанской Советской республики. Автор определяет большинство из них как одноцветные, в то время они многоцветные.

Например: цвет кредитного билета в 10 рублей определен как «красный», а на нём имеются черный и синий шрифты; «голубой» билет в 50 рублей имеет черный, красный и синий шрифты; «желтый» билет в 50 рублей имеет шрифты синий и черный.

Стр. 160. Хорезмская Народная Советская республика.

Искажение легенд при прорисовках.

В перечне денежных знаков 1920 г. (1338 г. хиджры) пропущены шелковые 250 рублей.

Стр. 161. В перечне денежных знаков 1921 г. (1339 г. хиджры) пропущены 750 и 5 000 рублей бумажные, 1 000 рублей шелковые.

Стр. 171–180. Перечень связанных с финансами решений Советского правительства (в виде одних названий) не может дать читателю сколько-нибудь конкретную информацию. Целесообразно было бы рекомендовать литературу, в которой они рассматриваются.

Стр. 181. Раздел «Наш герб на денежных знаках» непонятно почему завершает работу; совершенно очевидно, что он должен находиться в разделах, посвящённых непосредственно советскому денежному производству.

Общие замечания

1) Крайне непродумано название работы «Денежные знаки Советской власти. Определитель-каталог».

а) Речь идёт о денежных знаках Советского государства. Авторская же формулировка темы попросту непонятна.

б) Поставив перед собой цель рассказать о советских денежных знаках вообще, следует рассматривать не только бумажноденежное, но и монетное производство: ведь монеты, выбитые в неблагородных металлах – денежные знаки в той же мере, что и бумажные номиналы!

в) Принято писать не «Определитель-каталог», а «Каталог-определитель».

2) Не может не вызвать удивления небрежность отношения автора к ссылкам на источники и литературу (мною, естественно, проведена выверка лишь незначительной их части, ибо это входит в обязанности редактора, а не рецензента).

Приходится сталкиваться со случаями не только искажения цитируемого источника (см. замечания к стр. 18, 30, 41), но и приписывания им данных, которые отсутствуют в них (стр. 13 – ссылка на Советскую историческую энциклопедию, т. 15, стб. 138).

3) Полностью проигнорирован такой важнейший вопрос, как непрерывное укрепление позиции советского рубля по отношению к иностранным валютам (исчисление его курса на базе французского франка до 1937 г., перевод его исчисления на долларовую основу в 1937 г. и отказ от нее в 1950 г.) перевод его на золотую основу в 1950 г., укрепление этой основы в 1961 г., возникновение переводного рубля как коллективной валюты стран СЭВ.

4) Судя по работе, автор не знаком с основными специальными исследованиями (как прошлых лет, так и настоящего времени) по теме, список которых достаточно обширен.

5) Крайне сумбурна структура работы (в рецензии она не анализируется, так как вызывает слишком много возражений).

В заключение – о введении к работе А. Щелокова («Об этой книге», автор – И. Гаретовский).

Стр. 2. Деноминация 1947 г. не «пятая» в истории нашей страны, а четвертая.

Слишком поверхностно изложение механизма обмена денег при реформе 1947 г. – см. замечание этой рецензии к стр. 69.

Стр. 4, 5, 8. Автор считает, что денежные выпуски белогвардейских и прочих контрреволюционных правительств, различные денежные «курьюзы» не представляют собой исторической ценности. С этим нельзя согласиться: этот материал требует серьезного отношения к себе, ибо во многом благодаря ему становится понятным, в каких невероятно трудных условиях возникла и становилась на ноги советская денежная система.

Стр. 9. «Она (советская денежная система – В.Р.) возникла как результат объективной потребности обеспечить ускоренное развитие экономики ранее крайне отсталых национальных окраин». Разве только этой потребностью объясняется создание первой в мире социалистической денежной системы?

Стр. 11. О губернских гербах на государственном гербе царской России – см. замечание к стр. 72–74.

Стр. 11-12. «Появление его (двуглавого орла на кредитных билетах образца 1918 г., выпущенных в 1919 г. – В.Р.) не вызывалось ни обстановкой, ни необходимостью» – см. замечание к стр. 72–74.

Считаю издание работы А. Щелокова «Денежные знаки Советской власти. Определитель-каталог» нецелесообразным.

Доцент кафедры археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин Белорусского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В. И. Ленина

Подпись В.РЯБЦЕВИЧ

24.IX.84

Штамп отдела кадров

1. Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории быв. Российской империи за время с 1769 по 1924 гг. – 1925; Каталог бон и дензнаков России, РСФСР, СССР, окраин и образований (1769 – 1927) – 1927.

2. В письме А. А. Семенову (Неаполь, 17.XII.1925) А. М. Горький пишет: «... в грустные минуты я люблю вспоминать о Вас и рассказываю Вашу жизнь другим. У меня сохранились Ваши «Деньги», этикетки с бутылок вина... Это – редкость... Хочется назвать Вас героем». (В настоящее время эти «деньги» хранятся в музее А. М. Горького).

3. *Атлас*, З. В. Социалистическая денежная система : Проблемы социалистического преобразования и развития денежной системы СССР / З. В. *Атлас*. – М. : Финансы, 1969. – 384 с.

4. Подробнее о А. А. Семенове см.: Горький, А. М. О единице // *Новый мир*. – 1960. – № 11; Семенов, А. На Капри у М. Горького – Там же; Из переписки А. М. Горького и А. А. Семенова – Там же; Розенберг, Л. Винные деньги Якутии // «Советский коллекционер». – 1964. – № 2.

5. *Зверев, А. Г.* Записки Министра / *А. Г. Зверев*. – М. : Политиздат, 1973. – 270 с.

6. См., напр., *Паустовский, К.* Повесть о жизни. – М., 1962, кн. 2. – С. 231; Кольцов, М. Избранные произведения в 3-х томах. – М., 1957. – Т. 1, – С. 81.

7. Наше денежное обращение : Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914 – 1923 гг. / Под ред. проф. Л.Н. Юровского. – М. : Финансовое издательство НКФ СССР, 1926. – 354 с.

8. Следует – «Серия образца 1918 г., эмитированная в 1919 г.» или «Серия 1919 г., эмитированная по образцам 1918 г.».

9. 18 июня 1918 г. проект герба на государственной печати утверждён В.И. Лениным; первое описание он получил в Конституции РСФСР, принятой 5 Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.

10. *Конёнков, С.Т.* Мой век : Воспоминания / *С. Т. Конёнков*. – М. : Политиздат, 1971. – 368 с.

11. Впрочем, они продолжали удерживать высокую рыночную котировку, и поэтому Советская власть вынужденно продолжала, используя имевшиеся клише, их эмиссию вплоть по июль 1922 г. Из денежного обращения они были изъяты лишь в октябре 1922 г.».

12. В компетенцию лица, возглавляющего Государственный банк любой страны, входит лишь претворение в жизнь правительственных решений в эмиссионной области и контроль за их буквальным выполнением.

13. На них как и ранее выпущенных номиналах (от 1 до 1 000 рублей подпись Г. Пятакова как Управляющего Народным Банком РСФСР).

14. В 1919 г. в обращение пущено кредитных билетов образца 1918 г. на сумму 123 065,6, в 1920 – на 339 438, в 1921 – на 37 476,2 миллиона рублей (см. «Наше денежное обращение...», с. 97–100 – Таблицы № 53, 55, 57).

15. Следовало бы добавить – «без скипетра и державы».

16. Отпечатаны, во исполнение октябрьского декрета СНК в декабре 1919 г.

17. Как и 1000 «думских» рублей, выпускалась на основе клише Временного правительства по июль 1921 г. Изъяты из обращения в октябре 1922 г.

18. Характерная деталь – кредитные билеты образца 1917 г., несшие на себе того же двуглавого орла, что и билеты образца 1918 г. и эмитировавшиеся Народным Банком РСФСР параллельно с последними, не прельстили антисоветчиков как материал для пропагандистских надпечаток (это понятно: на них были оставлены факсимиле подписей управляющего и кассира Государственного Банка Временного правительства!).

19. В надпечатках на всех их номиналах (от 1 до 1 000 рублей) фигурируют такие понятия, как «большевики», «коммунисты», «комиссары», «Чрезвычайка» (ЧК); содержатся призывы к низвержению Советской власти; билеты эти именуются «фальшивыми», «пятакскими» (по имени Главного Комиссара Народного Банка РСФСР) и даже... «ленинскими». Это ли не доказательство успеха эмиссии 1919 г.?

20. На двусторонних болах – «Бон обеспечен общим достоянием Северо-Кавказской Советской Социалистической республики».

Материал подготовил к печати **И. И. Синчук**

Подстрочные сноски и ссылки сохранены в соответствии с оригиналом подстрочными. Оформление ссылок оставлено авторское. Разрядка заменена полужирным курсивом. Исправлены очевидные описки. Подчеркивания в тексте авторские. Унифицировано выделение разрядов многозначных чисел.